

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019454-5

Исповедальный монолог в “Братьях Карамазовых” Ф. М. Достоевского и “Мнимых величинах” Н. В. Нарокова

© 2022 г. О. С. Кудлай

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
kudlay.oksana.96@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается исповедальный монолог как форма идейного выражения главных героев в романах “Братья Карамазовы” Достоевского и “Мнимые величины” Нарокова. В ходе сравнительного анализа устанавливаются его отличительные черты, формулируются критерии разграничения исповедального самовысказывания и других приемов психологического изображения персонажей, выделяются типы конфиденгов. В результате уточняются существующие в науке представления о литературной преемственности Нарокова по отношению к Достоевскому; обосновывается тезис о новаторстве писателя-эмигранта в разработке исповедального монолога при создании образов чекистов; намечаются пути дальнейшего изучения форм исповедальности в творчестве Нарокова как яркого представителя второй волны русской эмиграции.

Ключевые слова: исповедальный монолог, Достоевский, Нароков, идея, герой-идеолог, конфиденг, исповедь, психологизм, вторая волна русской эмиграции.

Для цитирования: Кудлай О.С. Исповедальный монолог в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского и “Мнимых величинах” Н.В. Нарокова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 60–64. DOI: 10.31857/S160578800019454-5

A Confessional Monologue in “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky and “Imaginary Values” by N. V. Narokov

© 2022 Oksana S. Kudlay

Postgraduate student at the Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
kudlay.oksana.96@mail.ru

Abstract. The article explores a confessional monologue as a form of ideological expression of the main characters in the novels “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky and “Imaginary Values” by Narokov. In the course of comparative analysis, the distinctive features of this form are established, the criteria are formulated to differentiate the confessional self-expression from other psychological methods used to depict the characters, the types of confidants are identified. As a result of the undertaken research, the existing academic ideas about the literary succession of Narokov in relation to the work of Dostoevsky are clarified; the statement about the innovation of the emigre writer in the development of a confessional monologue in creating the images of the Chekists is substantiated; the ways to further study the forms of confession in the work of Narokov, who is a prominent representative of the second wave of Russian emigration, are outlined.

Key words: confessional monologue, Dostoevsky, Narokov, idea, visionary character, confidant, confession, psychologism, the second wave of Russian emigration.

For citation: Kudlay, O.S. *Ispovedalnyi monolog v "Brat'yakh Karamazovykh"* F.M. Dostoyevskogo i "Mnimykh velichinakh" N.V. Narokova [A Confessional Monologue in "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky and "Imaginary Values" by N.V. Narokov]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 2, pp. 60–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019454-5

Сопоставление творчества Ф.М. Достоевского и Н.В. Нарокова, писателя второй волны русской эмиграции, ранее предпринималось преимущественно по тематическому и сюжетному сходству. О литературной преемственности Нарокова по отношению к Достоевскому писали В.В. Агеносов, отметивший, что она проявляется «на всех уровнях художественных произведений» [1, с. 410], В.Н. Турбин в предисловии к первому советскому изданию «Мнимых величин» [2], О.С. Сухих, которая исследовала трансформацию традиций эпики Достоевского в романах писателя-эмигранта [3]. Однако, не считая кратких заметок в учебных пособиях и словарных статьях, особенностям психологической прозы Нарокова за последние двадцать лет посвящено лишь несколько работ отечественных ученых, а исповедальный монолог в текстах писателя до сих пор не был объектом специального исследования. В этой связи считаем целесообразным рассмотреть исповедальный монолог в романах «Братья Карамазовы» Достоевского и «Мнимые величины» Нарокова как точку пересечения «слова о себе» и «слова о мире» [4, с. 89], в которой герой, будучи носителем идеи, получает важную для него возможность самовысказывания.

По отношению к творчеству Достоевского термин «исповедальный монолог» применяет А.Б. Криницын. Преследуя художественную цель нравственного преображения героев, такой монолог «в большинстве случаев только начинается как диалог <...>, после чего один из персонажей полностью завладевает разговором и превращает его в свой безудержный и страстный монолог, лишь изредка прерываемый встречными репликами собеседника» [5, с. 381]. Через это самовысказывание, которое представляет не только «слово о себе» (что характерно для исповеди в литературной традиции), но и «слово о мире» («идеологическое» слово) [4, с. 89], идея проходит все стадии развития: после того как герой-идеолог делится ею с конфидендом (переломный момент в романах), носитель идеи переживает ее крушение, разочарование в ней, а затем, как правило, нравственно перерождается или умирает. Исповедальный монолог открывает возможность для слияния «слова о мире» и «слова о себе»: «слово о мире» оказывается тесно вплетенным в личную

жизнь героя, который, в свою очередь, немислим автором без идеи. Если у Достоевского этот прием используется для иллюстрации «индивидуальных» идей у разных героев («дитё» у Мити, «луковка» у Грушеньки, «вседозволенность», «бунт» у Ивана и его двойников), то Нарокову исповедальный монолог как доминанта художественного изображения необходим для иллюстрации противоположных идей – «мнимых» и «настоящих» в сознании *одного* героя, чекиста Любкина-Семенова, который буквально «раздваивается» на страницах романа и проходит мучительный путь от носителя «большевизма»¹ до его жертвы.

От более распространенного приема психологического изображения сокровенных мыслей героя – внутреннего монолога – исповедальный монолог отличается обязательным наличием слушателя (другого): как для собственно исповеди необходим конфиденд, так и для исповедального самовысказывания – слушатель. В рассматриваемых нами романах «исповедники» делятся на два типа.

К первому относится Алеша Карамазов, играющий роль духовника в «Братьях Карамазовых». Перед исповедью Митя говорит брату: «Слушай, Алеша, слушай, брат. Теперь я намерен уже все говорить. Ибо хоть кому-нибудь надо же сказать. Ангелу в небе я уже сказал, но надо сказать и ангелу на земле. Ты ангел на земле. Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь...» [7, с. 97]. Даже замкнутый и скрытный Иван, про которого Митя говорит: «Иван – могила» [7, с. 209], доверяет только Алеше идею «бунта» и «вседозволенности», потому что видит в нем духовную «твердость»: «Но в конце я тебя научился уважать:

¹ Важно отметить, что слова «большевизм», «большевистский» в романе Нарокова используются в специфическом, символическом значении: они обозначают не разновидность коммунистической идеологии, а нечто подобное идее «вседозволенности» у Ивана Карамазова, это атрибут человека «другой породы», человека «без духа». Один из героев романа так поясняет явление «большевизма»: «Он был всегда, но раньше он терялся во всем человечестве, рассыпанный в нем, потому что был только эпизодом, только случайностью. А в наше время он окончательно определил себя, осознал себя, организовал и стал говорить свое «хочу». Он стал не эпизодом, а явлением. Все думают, будто большевизм – это коммунизм и советская власть. Нет, большевизм, – совсем другое: это «хочу» человека другой породы» [6, с. 221].

твердо, дескать, стоит человек. Заметь, я хоть и смеюсь теперь, но говорю серьезно. Ведь ты твердо стоишь, да? Я таких твердых люблю, на чем бы там они ни стояли...” [7, с. 209]. Та же “твердость” присуща и главной героине “Мнимых величин” Евлалии Григорьевне, которой Любкин решает открыться:

— Вы у меня... У меня вы силы ищите? — не сдержалась и тоже выкрикнула Евлалия Григорьевна.

— Конечно, у вас! Именно только у вас! Где же у другого? У кого, у другого?

— Но почему же? Почему?

— Потому что вы — настоящая! Вот это самое слово вы поймите: настоящая! [6, с. 320]

Под “твердостью” в характеристике первого типа конфиденентов понимается, с одной стороны, “всемирная отзывчивость” героя, наличие нравственного стержня, а с другой — отсутствие ограниченной идеи, которая бы его разрушала. Парадоксальны два главных требования к confidentу: “духовник” должен нравственно превосходить героя-идеолога и при этом молча слушать признание исповедующегося, *не имея права судить* его. Кроме того, герою не нужно посвящать слушающего в те или иные события. Как правило, духовник сам угадывает, что мучает героя:

— Понимаю! — очень серьезно и очень честно ответила Евлалия Григорьевна, прямо смотря ему в глаза и не боясь своего взгляда. — Я это очень понимаю, Павел Петрович. Ваша жизнь, и вы... — немного неосторожно начала было она, но сразу же почувствовала свою неосторожность и остановила себя. — И вам добро нужно было, вам обязательно добро нужно было сделать, потому что вы... много зла делали! <...>

— Добро! — неудержимо сорвался Любкин, блестя глазами и весь подергиваясь, так что Евлалию Григорьевну поразило его лицо. Словно бы экстаз охватил его. Вот-вот-вот! Вот-вот-вот! Вот это самое слово и есть! — завопил он, вскакивая на ноги и размахивая руками. [6, с. 329]

Такой случай характерен для бахтинской традиции анализа “слова” героев Достоевского. Исповедальные монологи с confidentами первого типа призваны дать возможность идеологу сообщить “нечто, не могущее быть сказанным в обычном разговоре без нарушения нормативных отношений между говорящими или же разрушения вообще” [5, с. 330]. К подобным сообщениям относятся признания в преступлении или грехах. Кроме них герой сообщает *другому* “самое главное” о себе: “мировоззренческую идею”, объясняет собеседнику “самого себя, важнейшие черты своего характера” [5, с. 331]. У confidentов первого типа герой-идеолог ищет *исцеления*. Иван признается Алеше перед исповедью: “Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть

с твоего устоя, я, может быть, себя хотел бы исцелить тобою...” [7, с. 215]. Когда герой не может исцелиться у полноценного *другого*, автор вводит *двойника-конфидента*, знающего все “мысли и мельчайшие изгибы души исповедующегося” [5, с. 344].

Главная функция исповедальных монологов с confidentами второго типа, двойниками, — стирание “*другости*”, благодаря чему становится возможным искреннее и полное самовысказывание идеолога. Герой не воспринимает двойника как “*другого*”, потому что он является носителем той же идеи и, соответственно, заведомо фиктивным слушателем. В “Братьях Карамазовых” к таким диалогам относятся “встречи” Ивана Карамазова со Смердяковым и его разговор с Чертом, а в “Мнимых величинах” — диалоги Семенова-Любкина (героя, который “раздваивается” сам, выдавая себя за Павла Петровича Семенова перед Евлалией Григорьевной) и его двойника Супрунова, такого же чекиста и палача. Он не привносит в “диалог” ничего нового, его функция заключается либо в подтверждении идеи центрального героя-идеолога, либо в воспроизведении за него того, в чем тот не решался себе признаться. Эта “условная форма другого” [5, с. 345], *симулякр*, включает возможность спора или высказывания другой точки зрения. Второй тип confidentа тоже связан с бахтинской концепцией “слова о себе”, но выходит за рамки истинно *диалогической природы элементов романа*. Он используется авторами для более наглядной демонстрации несостоятельности идей — “вседозволенности” у Ивана и его двойников-слушателей в “Братьях Карамазовых” и “большевизма” у Любкина и его преданного общему делу товарища Супрунова в “Мнимых величинах”, в то время как первый тип призван исцелить героев-идеологов.

Равно как не все confidentы имеют право слушать, не все герои имеют право исповедоваться. Можно выделить разные основания для получения *персонажами* права на исповедь. Прежде всего это крайние, пограничные ситуации в жизни героя, решающегося в какой-то момент на трудный шаг — смерть, страдание, признание в содеянном, нравственное перерождение. К таким персонажам-идеологам в “Братьях Карамазовых” относятся Смердяков (три свидания Ивана с ним) и Митя, решивший после привидевшегося ему сна о “дите” принять на себя наказание. Герой “зеркально” противопоставлен нароковскому персонажу: он внутренне соглашается пойти на каторгу и примиряется с собой, отвергнув вариант побега, который предложил ему Иван:

«За “дитё” и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех “дитё”, потому что есть малые дети и большие дети. Все — “дитё”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» [8, с. 31]. В “Мнимых величинах” Любкин знает, исповедуясь Евлалии Григорьевне, чем для него может закончиться назначение в Афганистан. Однако он уже испытал разочарование в идее и поэтому стремится к обретению настоящего, истинного себя и видит выход в побеге от “мнимости” окружающей действительности, системы, тем самым пытаясь избежать смерти:

— Так, стало быть, бежать? — неожиданно спросил Любкин, удивительно остро чувствуя и ясно понимая это “стало быть”.

— Куда бежать? Зачем? — удивилась Евлалия Григорьевна.

— Нет, это я так... — с болью нахмурился он. — Это я на свое... Потому что я так думал, будто мне бежать не с чем и некуда, а вы говорите, что... Я ведь знал, я ведь всегда знал, только не хотел знать, прятал от себя и сам прятался. А оно — настоящее! [6, с. 331]

Кроме того, герои в романах исповедуются в соответствии с *правом на исповедь*, или *с волей к исповеди*. Оно предоставляется только тем, “чьи души нуждаются в очищении, сознают это сами герои или нет” [5, с. 332]. Положительные герои не исповедуются — Алеша, как и Евлалия Григорьевна, Софья Дмитриевна — всегда слушатели, поскольку персонажам с “грехами” дается преимущество над собеседником. Алеша — главный “духовник” своих братьев — Ивана и Мити, тогда как Федор Павлович превосходит своих сыновей по “греховности” и заставляет слушать в разделе “За коньячком”: “Эх вы, ребята! Деточки, поросяточки вы маленькие, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот мое правило! Можете вы это понять? Да где же вам это понять: у вас еще вместо крови молочко течет, не вылупились!” [7, с. 332]. В том же ключе Любкин подтверждает *свое право на исповедь* Евлалии Григорьевне:

А ты не ужасайся, ты не ужасайся, милая твоя душа! — забормотал Любкин, блестя глазами. — Ты не ужасайся, потому что во мне и страшнее есть! Разве ж это я ее одну только? [6, с. 322]

Отличие от “Братьев Карамазовых” в том, что исповедуется в “Мнимых величинах” только Любкин, в связи с чем иерархия “духовников” главного героя в романе выстраивается в соответствии с усилением его идеологических сомнений: от двойника Супрунова, искренне убежденного в идее “большевизма”, до Софьи Дмитриевны, которая “подготавливает” Любкина к последней, итоговой исповеди Евлалии Григорьевне. Эта иерархия наглядно демонстрирует переход героя от идеи “большевизма”

к разочарованию в своих взглядах и обретению вечных нравственных ценностей.

Таким образом, исповедальный монолог в романах “Братья Карамазовы” Достоевского и “Мнимые величины” Нарокова — связующий элемент идейного и психологического планов, позволяющий проследить внутреннее развитие идеи в душе героя-идеолога, ее созревание и крушение. Если в “Братьях Карамазовых” исповедальные монологи главных героев — Мити, Ивана, Смердякова — посвящены подпольному “вынашиванию” и крушению разных идей, *внутренней борьбе героев*, то в “Мнимых величинах” переживания Любкина-Семенова в исповедальных монологах направлены на *внешнюю действительность*: герой преодолевает частично воплощенную обществом идею “большевизма”, будучи при этом главным ее носителем, и осознает ее “мнимость”. И если одним из тематических центров “Братьев Карамазовых” становится процесс трансформации идеи и ее крушения прежде всего в сознании Ивана Карамазова и двойников, то Любкин-Семенов уже с первых страниц романа начинает сомневаться в истинности “большевизма”:

Наше с тобой дело, которое мы сейчас вот делаем, совсем не в том, чтобы с врагами народа бороться. Какие там враги! Где они? Такие же граждане, как и все, и ни в чем они не виноваты, это мы с тобой доподлинно знаем: нас не обманешь, да и мы обмануть себя не дадим. Это дело, ежовская-то кампания, в том состоит, чтобы в каждую клеточку мозга и нерва гвоздь вбить: “Нет меня!”. [6, с. 50]

Не случайно Любкин при знакомстве с Евлалией Григорьевной, нравственно чистым confidentом, “раскалывается” и представляется Семеновым. “Чистый” двойник в глазах духовников, не связанный с деятельностью НКВД, нужен Любкину для возможности *чистой* исповеди. Посредством признаний *одного персонажа*, исповедующегося разным confidentам (Супрунову, Софье Дмитриевне и, наконец, Евлалии Григорьевне), которые меняются по мере разочарования главного героя в идее, Нароков демонстрирует неправильность, мнимость “большевистской” идеологии.

На примере анализа исповедального монолога, выделения типов духовников и оснований для получения героями права на исповедь можно увидеть влияние Достоевского на творчество Нарокова. Вместе с тем, писатель-эмигрант не просто осваивает традицию предшественника, но творчески ее перерабатывает: если исповедальный монолог у Достоевского служит одним из художественных приемов прямого психологического изображения героев для выражения многих идей, то Нароков

делает его центральным. Самовысказывание проходит нитью через весь роман, наделяя Семёнова-Любкина одной, главной идеей — “*большевизмом*”, которая в итоге оказывается “мнимой величиной”, *симулякром*. Герой, проходя исповедальный путь по градационной “цепочке” конфиденентов (от “диалога” с двойником Супруновым до признания Евлалии Григорьевне), исцеляется и окончательно порывает с прошлым, преодолевает ограниченную идею, благодаря чему становится возможным его нравственное перерождение.

В перспективе исследования творчества Нарокова стоит важная задача — сопоставить исповедальные монологи в его романах с более современной литературной традицией (произведениями А.И. Солженицына, А.Д. Синявского и др.), так как Нароков, будучи писателем второй волны русской эмиграции, находился “меж двух огней” — традицией русской эпикей XIX века и прозой третьей волны эмиграции, не только преодолевшей литературный исповедальный канон, но и создавшей новые формы исповедальных монологов и собственно литературной исповеди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра. Спорт, 1998. 544 с.
2. Турбин В.Н. [Предисловие к роману Н. Нарокова “Мнимые величины”] // Дружба народов. 1990. № 2. С. 9–10.
3. Сухих О.С. Философские мотивы произведений Ф.М. Достоевского в романе Н. Нарокова “Мнимые величины” // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия “Филология”. 2004. Вып. 1 (5). С. 36–44.
4. Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. “Проблемы поэтики Достоевского”, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.
5. Криницын А.Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского. М.: MAKS Press, 2017. 455 с.
6. Нароков Н. Мнимые величины. М.: Худож. лит. 1990. 334 с.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы. Кн. 1–10. Л.: Наука, 1976. 510 с.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные редакции. Л.: Наука, 1976. 623 с.

REFERENCES

1. Agenosov, V.V. *Literatura russkogo zarubezhya (1918–1996)* [Literature of the Russian Diaspora (1918–1996)]. Moscow, 1998. 544 p. (In Russ.)
2. Turbin, V.N. *Predisloviye k romanu N. Narokova “Mnimyye velichiny”* [Foreword to the Novel by N. Narokov “Imaginary Values”]. *Druzhba narodov* [Friendship of Nations]. 1990, No. 2, pp. 9–10. (In Russ.)
3. Sukhikh, O.S. *Filosofskiye motivy proizvedeniy F.M. Dostoyevskogo v romane N. Narokova “Mnimyye velichiny”* [Philosophical Motives of the Works of F.M. Dostoevsky in the Novel by N. Narokov “Imaginary Values”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya “Filologiya”* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series “Philology”]. 2004, No. 1 (5), pp. 36–44. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 6. “Problemy poetiki Dostoyevskogo”, 1963. Raboty 1960-kh–1970-kh gg.* [Collected Works in 7 vols. Vol. 6. “Problems of Dostoevsky’s poetics”, 1963. Works of the 1960s–1970s]. Moscow, 2002. 799 p. (In Russ.)
5. Krinitsyn, A.B. *Syuzhetologiya romanov F.M. Dostoyevskogo* [Subjectology of the Novels of F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2017. 455 p. (In Russ.)
6. Narokov, N. *Mnimyye velichiny* [Imaginary Values]. Moscow, 1990. 334 p. (In Russ.)
7. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. T. 14. Bratya Karamazovy. Kn. 1–10* [Complete Works and Letters in 30 Vols. Vol. 14. The Brothers Karamazov. Books 1–10]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 510 p. (In Russ.)
8. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. T. 15. Bratya Karamazovy. Kn. 11–12. Epilog. Rukopisnyye redaktsii* [Complete Works and Letters in 30 Vols. Vol. 15. The Brothers Karamazov. Books 11–12. Epilogue. Handwritten Editions]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 623 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 декабря 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 февраля 2022 г.
Статья принята к публикации: 22 февраля 2022 г.
Дата публикации: 30 апреля 2022 г.

Received by Editor on December 24, 2021
Revised on February 13, 2022
Accepted on February 22, 2022
Date of publication: April 30, 2022